

От этих действий у Гу Шаобая в груди словно разверзлась бездна, которую невозможно было заполнить, но в итоге это вылилось в легкую горькую улыбку на его губах.

Через некоторое время он кашлянул и, не отвечая на слова Му Цинфэна, поднял голову и спросил:

— А где твоя нефритовая подвеска? Ты ее не видел?

Му Цинфэн на мгновение замер, понимая, что тот искал именно ее.

— О... — сказал он. — Я ее убрал.

Эта подвеска была не обычным предметом. Она была подарена императором Гаоцзу и передавалась в семье князя И как символ их статуса. Узор на ней был невероятно сложен, и мало кто знал, что это также была личная печать князя И!

Гу Шаобай сначала вздохнул с облегчением — хорошо, что не потерялась. Но затем его охватило разочарование.

Он с насмешкой покачал головой. Нечего и разочаровываться, ведь он с самого начала не говорил, что подарит ее ему, верно? Опять надумал себе лишнего!

— Хорошо, что не потерялась, — тихо сказал Гу Шаобай, опустив голову. Му Цинфэн не видел его глаз, но явно почувствовал разочарование в этот момент.

Му Цинфэн ощутил тяжесть в груди, ему стало не по себе. Он указал на одежду, которую только что положил на тумбочку, и, натянув хитрую улыбку, сказал:

— Я пойду на кухню за лекарством. Будь умницей, оденься, когда я вернусь...

Во дворе пышно цвело дерево лагерстремии, его нежно-розовые цветы развевались на ветру. Сердце Му Цинфэна, и без того взволнованное, еще больше закружилось от этой красоты.

Вдруг он почувствовал, как в его душе образовалась трещина, и оттуда хлынуло чувство, которое он никогда раньше не испытывал.

Ли Чжишань действительно был мастером своего дела. На третий день приема лекарств Гу Шаобай уже сбил температуру.

Он все еще чувствовал слабость и иногда кашлял.

Солнце за окном палило нещадно, и даже до начала жары было жарко, как в парилке.

Гу Шаобай проглотил последний глоток горького лекарства, слегка запрокинув голову и закрыв глаза. На его лбу выступил холодный пот, а горечь во рту вызывала тошноту.

Что-то твердое коснулось его губ, и ему в рот сунули небольшой кусочек.

Он быстро открыл глаза и почувствовал сладковато-кислый вкус, который быстро заменил горечь. Кончиком языка он понял, что это был кусочек сушеного боярышника.

Му Цинфэн поправил его расстегнутую одежду.

— В этом захолустном городишке даже конфетной лавки нет. Я хотел принести кусочек сахара,

но, подумав, что ты еще кашляешь, решил, что сладкое тебе не подойдет. Поэтому я сорвал в саду кусочек сушеного боярышника. Ну как, еще горько?

Гу Шаобай моргнул, глядя на него с вниманием и серьезностью. Ему хотелось разругать Му Цинфэна пополам, оставив только ту часть, которая была искренней, а другую, жестокую и лживую, пусть сгорит или растворится.

Корни чувств, посаженные в прошлой жизни, уже выросли в огромное дерево. Даже если его уничтожить до основания, то, что глубоко укоренилось в костях, уже невозможно вырвать, не принеся в жертву свою плоть и кровь!

Поэтому он решил оставить это в своей крови, закрыть глаза, заткнуть уши, не слушать, не видеть, не думать и не заботиться, просто обманывая себя!

Му Цинфэн, видя, что тот долго молчит и смотрит на него с полубезумным взглядом, невольно усмехнулся:

— Если бы кто-то так на меня смотрел, я бы подумал, что он влюбился в меня...

Гу Шаобай все же покраснел, сглотнув сладко-кислую слюну, и безразлично улыбнулся.

— А-Чэн, — сказал он. — Можно я буду звать тебя А-Чэн?.. Я уже почти выздоровел. Может, ты уйдешь?

Он посмотрел на него.

— У тебя, наверное, есть важные дела...

Он был прав. Прошлой ночью Юй Шисань доложил, что все уже готово по его указаниям: князь Поян разделил войска на две части, одна должна атаковать Крепость Феникса ночью, а другая окружить префектуру Аньян. Все должно произойти завтра вечером.

Поэтому он планировал завтра утром отправиться в пригород уезда Цзинъян, чтобы встретиться с князем Пояном.

Но оставлять Гу Шаобая здесь одного он не мог. Этот человек, казалось, был хитрым и расчетливым, но на самом деле был смелым и глупым, к тому же не умел защищаться. Кто знает, что он еще выкинет, если останется один. Если он столкнется с людьми Гэ Чуньхуэя, это будет как овца, попавшая в пасть к волку!

— Завтра утром я заберу тебя с собой, — сказал Му Цинфэн.

— Заберешь меня? Куда? — подумал Гу Шаобай. «Я уже помог тебе один раз, и этого достаточно. В будущем у меня будет козырь в руках. Разве я дурак, чтобы идти с тобой?»

Му Цинфэн приблизился, двумя пальцами взял его за подбородок и с легкой усмешкой сказал:

— Ты же в тот день в чайной говорил, что хочешь отправиться в уезд Цзинъян. Мне как раз нечем заняться, так что я пойду с тобой... Ну, как, согласен?

За все это время Му Цинфэн, хотя и иногда шутил слишком вольно, никогда не переходил границы. Но сейчас он впервые сделал такой шаг.

Гу Шаобай, вынужденный смотреть на него снизу вверх, на мгновение почувствовал

опьянение: когда он улыбался, он действительно был красив. Его черты были четкими и мужественными, а обычно холодные губы в улыбке становились теплыми и нежными, словно полными чувств.

Гу Шаобай не отводил взгляда, в его глазах заиграли переливы света. Он даже был рад, что это незнакомое лицо позволяло ему позволить себе такую вольность.

Он моргнул и, к удивлению, улыбнулся ему с теплотой.

Му Цинфэн, напротив, был шокирован этой улыбкой. Он отпустил его пальцы и потрогал его лоб. Нет, температуры нет!

Будь то Гу Шаобай или «фальшивый молодой господин», казалось, что в прошлой жизни он был ему должен два цзяня гаоляновой муки. Он никогда не был с ним любезен, и сейчас ситуация была слишком странной!

Не успев подумать, Гу Шаобай вдруг схватил его руку и прижался к нему, положив голову на его плечо, и тихо сказал:

— Можно?.. Я просто немного обопрусь...

Его щека касалась прохладных черных волос Му Цинфэна, а нос улавливал его легкий запах. Сердце Му Цинфэна в этот момент стало мягким, как вода, и он невольно обнял его за талию.

Через тонкую ткань он чувствовал его теплую кожу.

Этот интимный момент и поза, как искра, постепенно разгорались в груди Му Цинфэна. Он колебался некоторое время, но все же одной рукой поднял подбородок Гу Шаобая и крепко прижался к его губам, жадно целуя их.

Его губы были невероятно мягкими, напоминая лепестки лагерстремии за окном — нежно-розовые, мягкие и ароматные.

Гу Шаобай не сопротивлялся, даже наоборот, активно отвечал на его грубые поцелуи, не вскрикнув от боли, даже когда его губы начали кровоточить.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Му Цинфэн остановил свои неловкие и безумные действия. Гу Шаобай открыл глаза, и две слезы, которые он долго сдерживал, наконец скатились по его щекам.

Му Цинфэн, с улыбкой на лице, вдруг стал нечетким сквозь слезы. Да, он никогда его не понимал!

В этот момент он был просто незнакомцем!

Незнакомцем, встреченным случайно, чтобы утром встретиться, а вечером расстаться. Ему не нужно было понимать, и он больше не хотел понимать!

Му Цинфэн, поглаживая его разбитые губы, смотрел на него с болью, не зная, стоит ли извиняться.

Но Гу Шаобай не выказывал ни малейшего недовольства, просто вытер кровь с губ тыльной стороной руки и с легкой насмешкой сказал:

— А-Чэн, у тебя острые зубы...

Му Цинфэн не обратил внимания на его насмешку, пристально посмотрел на него и серьезно спросил:

— У тебя есть кто-то, кого ты любишь?

Гу Шаобай замер, и в его глазах на мгновение промелькнула боль.

Через некоторое время он закрыл глаза, глубоко вздохнул и, открыв их, с мягкостью, которую редко можно было увидеть, посмотрел на Му Цинфэна.

Его пальцы скользили по резким чертам лица, словно вырисовывая образ, запечатленный в его сердце, и он хрипло сказал:

— Когда-то был...

Палец скользнул по мелкой щетине, похожей на наждачную бумагу, царапающую кожу, и Му Цинфэн, казалось, услышал вздох его души. Он не смог удержаться и спросил:

— А потом?

Гу Шаобай опустил руку, положил голову на его грудь и, закрыв глаза, слушал его сильное сердцебиение.

— Потом он бросил меня. И сделал мне очень больно, до смерти...

Он говорил мало, но все его существо было пронизано тоской по тому, что уже нельзя было вернуть.

Му Цинфэн подумал, что он, наверное, все еще скучает за тем человеком и, возможно, принял его за него, поэтому позволил себе этот миг слабости.

«Если бы такой человек действительно существовал, почему в донесениях Лэн Дуна о нем не было ни слова?»

— Ты... все еще любишь его? — спросил Му Цинфэн, сам понимая, как смешно задавать такие бессмысленные вопросы, но ему хотелось знать.

<http://bllate.org/book/16730/1538690>